

УДК 39

DOI 10.22162/2500-1523-2017-11-20-35

К вопросу о взаимоотношениях «человек – животное» у современных алтайцев

Modern Altaians: Human-Animal Relations Revisited

*С. П. Тюхтенева (S. Tyukhteneva)*¹

¹ доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, отдел истории, археологии и этнологии, Калмыцкий научный центр РАН (Элиста, Российская Федерация). E-mail: kerel63@mail.ru

Ph. D. in History (Doct. of Historical Sc.), Leading Research Associate, Department of History, Archaeology and Ethnology, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: kerel63@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены взаимоотношения «человек – животное» у современных алтайцев. Этническая культура алтайцев, скотоводов горной части Южной Сибири, сегодня стремительно трансформируется. Вместе с тем, в ней продолжают бытовать представления, верования и практики, сохранившиеся издревле. Взаимоотношения «человек – животное» представляют собой все еще малоизученный комплекс этнической культуры алтайцев. Опираясь на труды классиков этнологии, собственные полевые материалы, труды этнографов, посвященные скотоводческим практикам народов, в традиционной экономике которых скотоводство являлось ведущей или одной из главных отраслей, автор предпринимает попытку рассмотреть взаимоотношения «человек – животное» у современных алтайцев.

Ключевые слова: алтайцы, скотоводство, взаимоотношения «человек – животное».

Abstract. The article considers 'human – animal' relations of contemporary Altaians. The ethnic culture of Altaians — livestock breeders of Southern Siberia — is experiencing rapid transformations nowadays. However, the community so far retain some ancient beliefs, concepts and practices. And 'human – animal' relations are still an understudied aspect of Altaian culture. Proceeding from works by classical ethnology scholars, the author's field materials, ethnographic monographs dealing with livestock

breeding practices of peoples traditionally and basically engaged in such activities, the paper attempts to examine human – animal relations inherent to present-day Altaians

Keywords: Altaians, livestock breeding, human – animal relations.

В Республике Алтай, судя по нашим полевым материалам, современные алтайцы разводят овец, лошадей, коров, коз, яков, верблюдов и свиней. Наличие того или иного вида скота зависит от природно-экологических условий каждого из районов Республики Алтай. Распределение поголовья скота неравномерно: увеличение численности идет от севера к югу. Так, к примеру, в северных районах (Майминском, Турочакском, Чойском) разводить овец и коз невозможно из-за сырости климата, но можно разводить коров, лошадей и свиней; верблюды могут обитать только в высокогорной степи Кош-Агачского района. Яков разводят в южных Кош-Агачском и Онгудайском районах. Численность разных видов скота зависит еще и от рыночной конъюнктуры, в том числе в связи с развитием туризма, к примеру, увеличилось поголовье овец и лошадей. Большая часть скота принадлежит частным лицам. Говоря об алтайцах-скотоводах, мы имеем в виду, прежде всего, аборигенное население некоторых сел Чемальского, Шибалинского, большей части сел Онгудайского, Усть-Канского, Улаганского, Кош-Агачского и Усть-Коксинского районов, в хозяйственной деятельности которого приоритет принадлежит скотоводству.

Следует также заметить, что не все алтайцы разводят скот. Понятно, что подавляющее большинство алтайцев-горожан не имеют скота, хотя есть и исключения (статистически незначительная доля алтайского населения единственного города республики, Горно-Алтайска, имеет возможность содержать коров, проживая в зоне частной застройки в тех окраинных микрорайонах и пригороде, которые расположены вблизи пригодных для пастбища землях). Мало или совсем нет скота и у жителей районных центров, чаще всего ограничивающихся одной коровой. Большая часть алтайцев, непосредственно не занятых скотоводством, имеет, тем не менее, скот, это может быть одна овца, корова или лошадь, подаренные алтайцу-горожанину, которых содержит даритель-селянин. Чаще

всего этих животных забивают на мясо в начале зимы, поэтому, собственно, владением и скотоводством назвать это нельзя. Особо следует сказать о детях — владельцах скота, — которым дарят животных, чаще всего на первый или двенадцатый день рождения. Такие животные продолжают пастись и размножаться в стадах дарителя, а весь приплод от них считается принадлежащим детям. Как правило, родители-горожане не спешат забивать на мясо такие «подарки», считая их ресурсом, который может быть использован в дальнейшем в случае крайней необходимости для обеспечения важных потребностей ребенка (лечение, обеспечение всем нужным при поступлении в школу, училище или вуз). То же верно в отношении детей селян.

Цели, которые ставит перед собой сегодняшний скотовод, практически не отличаются от тех, которые стояли перед его предками. Это увеличение численности скота, благополучный выход поголовья из осенне-зимнего сезона, своевременное получение и сохранение приплода и, соответственно, рост благосостояния его владельца. Эти цели достижимы при сохранении плодородия земли, благосклонности богов и духов, наличии счастья и благодати у самого человека, чему должны способствовать соответствующие акции скотовода.

Задача данного исследования состоит в представлении комплекса взаимоотношений «человек – животное» на примере скотоводческих практик у современных алтайцев на основе полевых материалов, собираемых в разных районах Республики Алтай с 1986 г. Рациональные скотоводческие практики алтайцев позволяют рассматривать их как комплекс взаимоотношений «человек – животное». Исследовательская проблема «человек – нечеловек», «человек – животное» относится к классическим вопросам западной культурной антропологии и этнографии, ей посвящено достаточно большое количество литературы (см., например: [Ingold 1988: 1–16; Mullin 2002; Mullin 1999: 201–224; Zeder 2012: 161–190] и мн. др.). В отечественной науке тема отношений «человек – животное» в подавляющем большинстве представлена работами этологов и биологов, зоологов, ветеринаров и медиков. Среди немногочисленных работ зоологов, посвященных теме

взаимоотношений «человек – животное», привлекает внимание работа С. Л. Баскиной, в которой описаны результаты впервые проведенного этологического анализа взаимодействий собак, лошадей, коров с человеком [Баскина 2010: 4]. На основе проведенного диссертационного исследования автор приходит к выводам, весьма актуальным не только для зооэкологии, но и этнологии: отношения между человеком и животными строятся на основе подчинения животного человеку, и отбор человеком животных производится именно на основе этого признака. Более того, один из ее выводов прямо указывает, что «отношения между человеком и домашними животными можно рассматривать как аналог социальных» [Баскина 2010: 22], в рамках которых человек встраивается в структуру группы домашних животных [Баскина 2010: 22]. В этой работе автор указывает на прямые аналогии, наблюдаемые в воспитании детей и собак, с целью приучения к послушанию и подчинению взрослому.

Из работ этнографов, посвященных взаимоотношениям «человек – животное», обращают на себя внимание работы В. Н. Давыдова, посвященные практикам оленеводов Севера: эвенков южной Якутии, Северобайкальского района Бурятии, Забайкалья, долган Таймыра [Давыдов 2016: 67–80; 2015: 44–66; 2014а: 95–117; 2014б: 365–371; 2013а: 23–42; 2013б: 267–280; Тюхтенева 2006; 2007; 2008; 2009а; 2009б; 2016]. В указанных работах автор, рассматривая современные практики эвенков, долган и якутов в комплексе взаимоотношений «человек – животное», ссылается на мнения оленеводов, весьма важные для нашего исследования. Суть их заключена в том, что, во-первых, для оленевода его животное имеет не морду, а лицо (В. Н. Давыдов ссылается на представление о «нечеловеческой личности»), иными словами, это отношения, аналогичные алтайским «субъект – субъект», во-вторых, владея одомашненными много тысяч лет назад оленями, каждый владелец с каждым животным проходит процесс приучения и обучения каждый раз заново, и, в-третьих, весь комплекс взаимоотношений «человек – животное» строится на внимательном и уважительном отношении человека к животному, а конечной целью является приучение оленя к послушанию и подчинению. Скотоводческие прак-

тики современных оленеводов Севера и скотоводов Сибири во многом схожи, как и представления, связанные с этими отраслями.

Взаимоотношения «человек – животные», таким образом, рассматриваются отечественными исследователями с позиции разных отраслей науки, благодаря чему растет количество публикаций, посвященных анализу тех практик, которые человек осуществляет вот уже более 10 тыс. лет, прошедших со времени одомашнивания многих видов животных.

Проблема взаимоотношений «человек – животное» на примере культуры алтайцев еще не становилась предметом изучения. Вместе с тем, следует отметить, что в последнее десятилетие скотоводство и скотоводческие практики у алтайцев исследуются этнографом Э. Г. Торусевым [2007а; 2007б; 2012; 2013; 2014].

Содержание скота в селах зависит от его количества и ресурсов домохозяйства. Если скота достаточно много, его сложно содержать в селе. Поэтому большую часть скота семьи содержат на стоянках. На одной стоянке, как правило, группируется совокупно крупный и мелкий рогатый скот, лошади, принадлежащие нескольким семьям; скот выпасается по очереди мужчинами. Редко и не везде в указанных выше районах владельцы проживают на стоянках постоянно. Однако, только круглогодично живя на стоянке, можно увеличивать количество скота, потому многие семьи алтайцев-селян стремятся на паевых землях возвести жилище и загоны. К примеру, семьи отца и женатого сына К. из Онгудайского района на протяжении последних трех лет аккумулировали финансовые ресурсы для строительства стоянки [ПМА 2017]. Летом 2017 г. строительство дома, юрты, загонов, кошары для овец и стойла для коров было в целом завершено. Как планирует семья К. М., ближе к зиме весь скот они перегонят из тайги на эту стоянку. При этом проживать на стоянке будет только сын К., его жена и дети останутся в селе. Отец и мать будут приезжать на стоянку по мере возможности и необходимости, поскольку семья отца содержит в селе три дойных коровы и телят этого года рождения. Такая ситуация в целом типична для современных алтайцев.

Взаимоотношения «человек – животное» у алтайцев имеют явно выраженный гендерный характер:

1) отношения «женщина – корова», а также овца, коза, верблюдица, т. е. самки всего домашнего скота, с которыми женщину, хозяйку, владелицу этих животных, объединяет самое важное свойство биологического характера — рождение новой жизни, материнство. Речь идет о дойных коровах и небольшом, до 20 голов, количестве овец, содержащихся в селе (особняком стоят отношения между женщиной-хозяйном и кобылой, что следует в дальнейшем тщательно изучить. Во всяком случае, в семье родителей автора весь уход за лошадьми, в том числе присмотр за отелом кобылицы, входил в круг деятельности отца);

2) отношения «мужчина – лошади», а также самцы всех видов скота, собаки-чабаны и собаки-охотники, вне зависимости от пола животного. Здесь важным признаком нам представляется свойство психологического характера — лидерство человека (мужчины) над животным, проявляющееся в умении контролировать его поведение с целью подчинения в процессе приучения к определенной деятельности.

Вместе с тем, особо оговоренных ограничений нет — мужчина может взаимодействовать со всем своим скотом и, как правило, делает это повседневно, поскольку все еще сохраняется представление о том, что жена заботится обо всем, что внутри жилища (и потому жена именуется «домашний человек», *үй кижси*), а муж — обо всем, что за порогом жилища. Кормить, поить животных, очищать от навоза стойла, иногда доить — все эти повседневные рутинные действия сегодня, как правило, исполняют мужчины-алтайцы. Женщины, как правило, доят коров (редко кобыл и ячих в тех селах, где их разводят), следят за процессом прохождения стельности у коров, овец, коз и кобыл. Активность женщины повышается в случае отсутствия мужа дома в связи с поездкой на охоту, или если основное поголовье скота семьи находится на стоянке и пришла очередь их семьи присматривать за животными. В этом случае в процесс ухода за скотом включаются также дети семьи. Если же скот находится на стоянке, то присмотр за отелом является уделом мужчин. Как правило, коров на стоянках не доят, чтобы телята могли круглосуточно находиться с коровой и, питаясь молоком матери, вырасти более крупными.

Эти взаимоотношения, «человек – животное», основаны на сохранении в современной скотоводческой практике алтайцев весьма архаичных анимистических представлений о наличии «души» (*тын* ‘дыхание’) у любого животного, не только у человека. Их можно рассматривать как отношения «субъект – субъект». Для обоснования этого положения предпримем небольшой экскурс. Исследование различного рода представлений о душе у алтайцев (об этом много написано в отечественной этнографической литературе, например: [Анохин 1929: 253–289; 1994: 1–65; Баскаков 1973: 108–113; Потапов 1991; Вербицкий 1993: 77–78; и мн. др.]), которая может произвольно и непроизвольно покидать тело человека, а также о душах домашних животных, приносимых в жертву божествам и духам-хозяевам, позволяет предположить, что тело — это форма и условие существования души в так называемом срединном, лунно-солнечном мире, мире людей. Для миров богов и духов, верхнего и нижнего, актуальна душа. И человек, и животные обладают душой=дыханием. Современные алтайцы чаще всего под словосочетанием *тынар тынду* (‘с/ дышащей душой /живое/’) имеют в виду ‘все живое в целом’ и *тынду* ‘животное’. Но в экспрессивной речи, когда хотят сказать: «Каких только людей не бывает на свете!», могут использовать *тынду* вместо слова «человек» (*кижи*). Когда хотят уничижительно отозваться о каком-либо человеке, говорят: *Мал эмес, кижси эмес* ‘Ни скотина, ни человек’ (эквивалент «ни рыба, ни мясо»). А когда женщина проявляет гнев в отношении своей коровы, она называет ее «бабой», *кадыт* (впрочем, сегодня могут называть корову и матерными словами женского рода).

Говоря о равнозначности и равноценности (или эквивалентности) души человека и животного, сошлюсь на текст из камлания алтайского шамана, приведенный профессором Л. П. Потаповым в его труде «Алтайский шаманизм», в контексте нашего исследования имеющий большое значение:

Сус спеленутого ребенка,

Сус громко ржашего скота,

К священной березе чтобы спустились...

[Потапов 1991: 62] (курсив автора. — С. Т.).

Профессор Л. П. Потапов полагал, что равнозначные «*сус* и *кут*, вероятно, отражают представления о жизненной силе, заключенной в *зародыше*, который даруется божеством для рождения детей и размножения скота» [Потапов 1991: 62]. В приведенном отрывке, представляющем собой обращение-просьбу шамана к божествам верхнего мира даровать души будущих детей и души будущих лошадей, очевидно, указано на равноценность (эквивалентность) этих душ — и те, и другие названы *сус*.

И, наконец, представление об эквивалентности душ человека и животного подтверждается бытующей по сей день шаманской практикой замены души человека, находящегося в потенциально опасной ситуации ее утраты, душой скота. Эта практика описывается при помощи слова *солынты* 'обмен'. В глагольной форме *сол-* (*солынган*) обозначает случайный или намеренный обмен чем-либо, вещью, одеждой, обувью, не имеющий коммерческого характера, без цели извлечь прибыль. Существительное *солынты*, в отличие от сходного по значению, но отличного по смыслу слова *толыжу*, означающего «обмен как сделка», следовательно, означает просто «обмен» или «замена». *Солынты* производят в случае длительной болезни или иной ситуации, чреватой смертью человека. Взамен души мужчины «отправляется» душа его любимого ездового коня, взамен души женщины — душа коровы. Как правило, это любимый конь или самая высокоудойная корова. *Солынты* проводит шаман или «знающий» человек, или сказитель. Такие способности признавали, например, за известным, ныне покойным, сказителем А. Г. Калкиным. Желаящий помочь больному, а им может быть только член семьи, обращается к шаману с просьбой о посредничестве в «обмене» душ. Больной может знать, но может и не знать об этом. После проведения ритуала замены души владельца на душу его животного последнее умирает без объективно видимых причин. Последующее выздоровление человека недвусмысленно связывается с успешным обменом. Иногда случается так, что в семье, в которой есть больной пожилого возраста, внезапно умирает здоровый человек молодого возраста. Такие случаи считаются результатом *солынты*, но в таких ситуациях — уже обмен души больного на душу здорового человека.

Общественное мнение крайне отрицательно относится к такой практике, считая моральным обмен души человека на душу его скота [Тюхтенева 2011: 118; Доронин 2013: 214–229]. Таким образом, взаимоотношения между человеком и его скотом у алтайцев в силу указанных выше мировоззренческих обстоятельств не будет неверным описывать как отношения «субъект – субъект».

В целом в основе взаимоотношений «человек – животное» лежит социальное взаимодействие, основанное на доверии животного человеку и ответственности человека за животное. В ситуации отношений «хозяйка – корова» первая уделяет достаточно времени своей корове: когда еще это теленок, она постоянно разговаривает с нею, поглаживает, начиная от головы, переходя к ушам, затем хребту, обязательно касается, слегка массируя, вымени и области заднего прохода, обеспечивая, таким образом, спокойное в будущем отношение к процессу доения и кормления приплода. С раннего возраста хозяйка приучает будущую корову к своему голосу, разговаривая с нею, обращаясь к ней по кличке, и к своему запаху, с этой цельюнося определенную одежду именно для ухода за скотом. Чтобы выработать у животного навык самостоятельного возвращения домой с пастбища, женщина готовит пойло (сливая в определенное ведро остатки чая с молоком, прокисшее молоко, кусочки сухого хлеба, в тех селах, где выращивают фрукты и овощи, в пойло кладут резаную картошку и очистки, некондиционные огурцы, мелкие яблоки и пр., но не остатки от мясной пищи. До середины XX в. для коров предназначались корыта, устанавливаемые справа при входе в юрту, в которые сливали молочную сыворотку. В этой связи до сих пор бытует благопожелание семье: «Из корытца пусть собака ест, из корыта корова пусть пьет», означющее пожелание иметь скот и пищу), иногда «деликатес» в виде размоченного комбикорма или зерна. Животное, привыкшее получать такую подкормку, охотнее возвращается домой и согласно выработанному рефлексу «сообщает» требовательным мычанием о своем приходе. Обычно можно наблюдать такого рода «диалог» — в ответ на мычание коровы хозяйка, даже если она внутри жилища, говорит: «Пришла моя корова? Подожди-подожди, вот сейчас я выйду». Некоторые алтайки дают пойло сразу после возвра-

щения коровы с пастбища, другие — перед самой дойкой. В этом случае перед доением хозяйка также поглаживает корову, заодно осматривая состояние ее туловища, вымени, рогов и копыт. Поскольку территория Республики Алтай относится к территориям эндогенного обитания клещей, этот осмотр важен для состояния здоровья коровы и качества ее молока. При обнаружении впившегося клеща его выкручивают, замазывая место укуса дегтем.

Что требует хозяин от коровы? Прежде всего, возвращаться самостоятельно домой, мычанием дать знать о своем приходе, продуцировать столько молока, чтобы его хватало как хозяевам, так и телятам (то есть она «обязана» «хитрить» и «придерживать» больше молока для теленка, причем вслух хозяйка может корить ее за такое поведение, но одновременно и одобрять). Другой важный во взаимодействии «человек – животное» параметр — это голос. Корова также «обязана» узнавать голос, запах хозяйки и членов ее семьи, откликаться мычанием, когда ее зовут. Последнее, впрочем, требуется и от любого другого животного, отношения с которыми высоко индивидуализированы, в частности, лошадей и собак.

При наличии в хозяйстве (в ЛПХ, личном подсобном хозяйстве или К(Ф)Х, крестьянском фермерском хозяйстве) большого количества коров среди них всегда есть самая важная (так и называемая «коров голова» или «скота голова») для семьи корова, ведущая за собой все стадо. Это обычно та корова, которую подарили молодой семье родители жены и от которой родились молодые коровы, телочки и бычки, составляющие стадо крупного рогатого скота семьи. При достижении старости такую корову нельзя продать ни живьем, ни в виде мяса. Ее можно заколоть на мясо только для употребления самой семьей. В этом смысле отношение к главной корове хозяйства релевантно отношению к посвященному духу-хозяину Алтая животному, *ыйык мал*, овце или лошади — их забивают на мясо по достижении старости, а кости, сложив в анатомическом порядке, сжигают. Череп посвященного Алтая животного хозяин должен отнести на возвышенное «чистое» место, например, *обоо*.

Один их важных для животных параметров — запах хозяина и хозяйки, других членов семьи. Поэтому, когда нужно доить ко-

рову в отсутствие супруги, алтайцы надевают ее куртку или фуфайку, халат, фартук и платок, чтобы «обмануть» корову. Мамину одежду для дойки могут надеть и дочери, и сыновья. Алтайцы полагают, что коровы прекрасно чувствуют обман, и некоторые, особо привередливые животные, дают меньше, чем обычно, молока, могут лягнуть ведро и пролить молоко. Другие коровы обходятся ударами хвоста по дояру, выражая свое недовольство. Такое же требование предъявляется и к собакам: собаки должны «узнавать» по запаху родителей, сестер и братьев своих хозяев, поскольку, как полагают алтайцы, у них одна кровь и потому схожий запах. Помимо этого, собаки «обязаны» узнавать по запаху скот своего хозяина, даже если это обычная, а не собака-чабан. Впрочем, и для людей запах выступает важным элементом при определении степени родства: «Для обозначения дальних родственников алтайцы используют выражение „родственный запах имеющие“, *töröön jytту*. Оно используется в случае, когда кровное родство подтверждается генеалогически, но тесные связи между родственниками не поддерживаются. Для обозначения тех, кого считают родственниками, хотя родство с ними подтвердить сложно, используют выражение „родственное имя имеющие“, *töröön атту*» [Тюхтенева 2015: 73].

Взаимоотношения «мужчина – лошадь», как было сказано выше, носят скорее партнерский характер, причем хозяин для лошади — лидер, в противном случае (то есть при психологической несовместимости человека и лошади, отсутствии позитивного взаимодействия, выраженного в отказе лошади подчиняться) с нею расстанутся, продавая ее или забивая на мясо. Хозяин приучает лошадь к езде под седлом, объезжая ее с трехгодовалого возраста, к езде в упряжи и с вьюком. Как правило, одной лошастью современные алтайские семьи обходиться не могут ввиду сохранения важной роли лошадей в быту, содержа по 3–5 и более голов. Хозяин обязан обучить ездовых лошадей для себя, для жены, своих детей, подбирая характер и норы лошади к будущему езду. Также хозяин должен заботиться о лошади, вовремя поить, кормить, чистить, ухаживать за копытами. Помимо этого, мужчина обязан внимательно наблюдать за молодыми жеребцами в табуне, чтобы

определить тех лошадей-самцов, которые смогут стать вожакom будущего табуна, и тех, которых следует холостить, или вообще продать / обменять. Точно также владелец скота поступает в отношении овечьей отары, чтобы выделить будущих самцов-производителей, а остальной молодняк самцов холостить. Бычков, как правило, алтайцы сдают на мясо живым весом.

Говоря о взаимоотношениях «хозяин – лошадь», нужно подчеркнуть, что, согласно традиционному мировоззрению алтайцев, полноценной личностью мог быть человек, который владеет скотом, имеет свое жилище, семью и детей, питается мясомолочной пищей [Тюхтенева 2015: 71]. Если принять этот ценностный аспект мировоззрения во внимание, становится понятной ситуация с большим количеством лошадей у современных алтайцев и важностью коневодства вообще для этнической культуры народа. Довольно много среди современных алтайцев любителей лошадей, специально обучающих их для скачек и спортивной игры «козлодрание». В этой игре, называемой у алтайцев *Кök бөрү* (‘Синий волк’), самым явственным образом проявляется партнерство мужчины и его коня. Азартом оказываются охвачены не только всадники, стремящиеся отобрать у противника козла, но и лошади: в 2012 г. во время праздника *Эл Ойын* автору удалось увидеть, как боролись две лошади, плечами отталкивая друг друга в тот момент, когда сидящие на них ребята тянули тушу козла.

Таким образом, вся скотоводческая деятельность алтайцев направлена на установление доверительных отношений с животными. С каждым значимым животным — с лошастью, обучаемой для езды и перевозки грузов, с коровой, от которой получает человек молоко, — владелец проходит каждый раз заново весь процесс не только обучения, но и приручения. Некогда одомашнив животных, человек не автоматизировал этот процесс. Для благополучного хозяйствования от скотовода требуется много усилий, много внимания к скоту. Вся деятельность человека, направленная на животных, схожа с воспитанием детей: и в том, и в другом случае человек ставит целью воспитать послушание и подчинение, в основе которого может лежать лишь доверие. Как доверие челове-

ка обученному им животному, так и доверие животного хозяину. Наиболее явно такого рода отношения проявляются во взаимоотношениях хозяина и его ездовой лошади. Как говорят алтайцы, ум и чутье лошади позволяют ей пройти в таких опасных горных кручах, что седок просто ослабляет повод, чтобы животное самое выбирало безопасный путь. Именно доверие лежит в практике сажать в седло сильно пьяного человека — лошадь сама довезет хозяина до дома.

Современные алтайцы скот дарят, продают и покупают, крадут и обменивают, используя его во всех обрядах перехода, изменения статуса личности. Скот для них является основой традиционной и современной народной экономики, он выступает показателем статуса и престижа личности, его богатства, его состоятельности как человека. Помимо социального значения, домашние животные играют важную роль в символических, ритуальных акциях. Взаимоотношения «человек – животное» в культуре алтайцев по сей день занимают важное место, проявляясь в представлениях, верованиях и ритуально-магической практике.

Источники

ПМА 2017 — Полевые материалы экспедиции автора в села Яконур Усть-Канского, Бичикту-Бом Онгудайского, Каспа Шебалинского р-нов Республики Алтай. Март 2017 (тетрадь 1).

Литература

Анохин А. В. Душа и ее свойства по представлениям телеутов // Сборник Музея антропологии и этнографии (СМАЭ). Л.: Изд-во Рос. АН, 1929. Т. 8. С. 253–289.

Анохин А. В. Материалы по шаманству у алтайцев, собранные во время путешествий по Алтаю в 1910–1912 гг. по поручению Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии. Горно-Алтайск: Изд-во Российской Академии Наук, 1994. Репринтное издание. [4], VIII, 248, IV с.

Баскаков Н. А. Душа в древних верованиях тюрков Алтая: (Термины, их значение и этимология) // Советская этнография. 1973. № 5. С. 108–113.

Баскина С. Л. Методы исследования, факторы влияния и закономерности развития поведенческих взаимодействий между домашними жи-

вотными и человеком: автореф. дис. ... канд. биол. наук. Петрозаводск, 2010. 24 с.

Вербицкий В. И. Алтайские инородцы: сборник этнографических статей и исследований алтайского миссионера, протоиерея В. И. Вербицкого / под ред. А. А. Ивановского. Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 1993. 270 с.

Давыдов 2013а — *Давыдов В. Н.* Борьба с хищниками и повседневные практики современных оленеводов: отношения человека и животных на Северном Байкале (по результатам полевых исследований 2007–2012 гг.) // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. Вып. 12 / под ред. Е. Г. Федоровой. СПб.: МАЭ РАН, 2013. С. 23–42.

Давыдов 2013б — *Давыдов В. Н.* Власть проводника: каюры-эвенки и использование оленного транспорта на Северном Байкале // Ранние формы потестарных систем / отв. ред. В. А. Попов. СПб.: МАЭ РАН, 2013. С. 267–280.

Давыдов 2014а — *Давыдов В. Н.* Исследование отношений человека и оленя в Южной Якутии // Материалы полевых исследований МАЭ РАН / отв. ред. Е. Г. Федорова. Вып. 14. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 95–117.

Давыдов 2014б — *Давыдов В. Н.* От дикого к домашнему: стратегии доместикации оленя в Северном Забайкалье // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2013 г. / отв. ред. Ю. К. Чистов, СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 365–371.

Давыдов В. Н. Отношения человека и животных на Крайнем Севере: заметки о полевом исследовании на Таймыре в июле – августе 2014 г. // Материалы полевых исследований МАЭ РАН / отв. ред. Е. Г. Федорова. Вып. 15. СПб.: МАЭ РАН, 2015. С. 44–66.

Давыдов В. Н. Долганы Восточного Таймыра: опыт полевых исследований в поселках Новорыбное и Сындаско в 2015 г. // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. Вып. 16: Памяти наших коллег-полеводов / под ред. Е. Г. Федоровой. СПб.: МАЭ РАН, 2016. С. 67–80.

Доронин Д. Ю. Шаманы, деньги и духи: торговля или обмен? // Антропологический форум. 2013. № 18. С. 214–229.

Потапов Л. П. Алтайский шаманизм / отв. ред. Р. Ф. Итс. Л.: Наука, 1991. 320 с.

Торушев 2007а — *Торушев Э. Г.* Некоторые кости животных в ритуалах алтайцев // Изучение историко-культурного наследия народов южной Сибири. Вып. 6. Горно-Алтайск: АКИН, 2007. С. 127–129.

Торушев 2007б — *Торушев Э. Г.* Земледелие в религиозных ритуалах, обрядах и устном народном творчестве алтайцев // Изучение историко-культурного наследия народов южной Сибири. Вып. 5. Горно-Алтайск: АКИН, 2007. С. 154–168.

Торушев Э. Г. Обряды плодородия в скотоводческой деятельности алтайцев // Наследие хакасского ученого, тюрколога, доктора сравнительного языкознания, востоковеда Николая Федоровича Катанова: мат-лы междунар. науч. конф., посвящ. 150-летию со дня рождения ученого (16–19 мая 2012 г., Абакан). Т. 2. Абакан: Хакасск. кн. изд-во, 2012. С. 188–189.

Торушев Э. Г. Сельскохозяйственная деятельность коренного населения Горного Алтая (кон. 1990-х – нач. 2010-х гг.) // *Studia Culturae*. 2013. № 18. С. 66–82.

Торушев Э. Г. Скотоводство // Алтайцы: этническая история, традиционная культура, современное развитие / отв.ред. Н. В. Екеев. Горно-Алтайск: НИИ алтаистики, 2014. С. 149–172.

Тюхтенева С. П. Верхом на лошади и в шубе или пешком и без шубы (представления алтайцев о богатстве и бедности) // Восток в исторических судьбах народов России: мат-лы V Всерос. съезда востоковедов (г. Уфа, 26–27 сентября 2006 г.). Уфа, 2006. Кн. 3. С. 263–266.

Тюхтенева С. П. Алтайцы. Среда обитания, хозяйственная деятельность и основные характеристики материальной культуры; Социальная организация и семейная обрядность; Духовная культура: Шаманизм // Тюркские народы Сибири / отв. ред. Д. А. Функ, Н. А. Томилов. М.: Наука, 2007. (Сер.: Народы и культуры). С. 392–412; 413–428; 431–436.

Тюхтенева С. П. «Крутить хвосты баранам» как метафора трансформационных процессов у алтайцев // *Етнічна історія народів Європи. Збірник наукових праць. Київський національний університет імені Тараса Шевченка*. Киев.: УНИСЕРВ, 2008. Вип. 26. С. 78–84.

Тюхтенева 2009а — *Тюхтенева С. П.* Земля. Вода. Хан Алтай. Этническая культура алтайцев в XX веке. Элиста: КалмГУ. 2009. 169 с.

Тюхтенева 2009б — *Тюхтенева С. П.* Деньги — бумага, человек — золото // *Этнографическое обозрение*. 2009. № 2. С. 16–22.

Тюхтенева С. П. Скотоводство у современных алтайцев // *Гуманитарный вектор*. Сер.: Педагогика, психология. 2011. № 3. С. 120–123.

Тюхтенева С. П. Личность и общество у алтайцев: от родовой принадлежности до общеалтайской идентичности. // *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*. 2015. № 4. С. 72–81.

Тюхтенева С. П. Скотоводство у алтайцев в начале XXI века // *Первые исследования*. Элиста: КалмНЦ РАН, 2016. С. 65–81.

Ingold T. Introduction // *What Is An Animal?* London: Routledge, 1988. P. 1–16.

Mullin M. Animals and anthropology // *Society and Animals*. 2002. Vol. 10. No. 4. P. 387–393.

Mullin M. Mirrors and Windows: Sociocultural Studies of Human-Animal Relationships // Annual Review of Anthropology. 1999. No. 28. P. 201–224.

Zeder M. A. The domestication of Animals // Journal of Anthropological Research (Formerly Southwestern Journal of Anthropology). 2012. Vol. 68. No. 2. P. 161–190.